

То, что швырнул Саяма, оказалось жестким диском от ноутбука.

На поверхности черной краской была написана одна строчка: «локализованная бомба».

Когда он бросил жесткий диск как можно дальше, тот, естественно, пролетел по воздуху. Столкнувшись с лучом, выпущенным Фафниром Возрожденным, диск оказался ближе к дракону, чем к Саяме и Синдзё.

В пяти метрах над землей и в двадцати метрах перед Фафниром Возрожденным полыхнул взрыв.

Он начался со света.

Словно под давлением этого света, трава на равнине пригнулась.

И затем все разлетелось в стороны.

Взрыв и разрушение раскололи надвое ночь, оглушительно громыхнув.

Свет стал силой. Звук стал давлением. Налетел ветер и смыл все прочь.

Сила, порожденная центром взрыва, создала пятиметровый радиус разрушения.

Свет выжег воздух, но распространился с нарастающей скоростью. Ослепительно-белая вспышка отразилась в ветре, земле и в облаках.

Фафнир Возрожденный был поглощен белым светом и исчез.

Прозвучал могучий рев.

Но истинный звук пришел следом.

Белый, кипящий звук. Шум горения всего в радиусе взрыва подхватило ветром и вознесло вверх. Звук и ветер ускорились и разрывали на части траву, танцующую в воздухе.

Облака, видимые в свете луны, исчезли, и нарастающий звук вместе с ветром столкнулись со внешней стеной Концептуального Пространства, породив низкий гул.

Все взлетело на воздух, и отголоски разнеслись по округе.

●

Посреди земли и ветра, проносящегося сквозь деревья в лесу, люди как УСАТ, так и 1-го Гира рухнули на землю и наблюдали за разрушением.

Ооки и Сибил увидели, как Ооширо Казуо рядом с ними шагнул вперед.

Посреди ревущего шума и ветра Ооширо потянулся руками перед собой, словно пытаясь что-то ухватить.

— Миёкоoooooooo!!

И...

— Сачико, Эми, Сати, Нанае, Ханако, Джане, Элли, и решающая девушка Лундгрэн!!

— Вам туда нельзя, Ооширо-сан! Вам их уже не вернуть!

Ооки и Сибил удерживали Ооширо. Как только грохот растворился в небе, Ооширо поник головой и заплакал.

— Это жестоко, — сказал Итару, подойдя к ним. Он смахнул несколько клочков травы, осыпавшихся сверху. — Ну, ему, наверно, было одиноко. Миёко — имя моей покойной матери...

— Вот как. Так вот почему он постоянно играл в эти игры поздно ночью, — произнесла Сибил.

— Да, — ответил Итару, вздохнув. И с серьёзным выражением лица добавил. — Но я все равно его не прощу.

●

В лесу, где сражались Зигфрид и Брюнхильд, они почувствовали взрыв только после вспышки и ветра, которые тот породил.

Деревья вокруг них покачнулись, и ярчайший свет залил их сбоку.

Взгляд Брюнхильд на миг скользнул к полю.

Что произошло? Она знала ответ, но ей нужно сосредоточиться на враге у себя перед глазами.

Девушка снова глянула вперед и сфокусировалась на высокой фигуре, бегущей рядом с деревьями.

Это был Зигфрид.

Столкнувшись с ним, Брюнхильд взмахнула косой, не давая проплывающим деревьям себя отвлечь.

Она рассекла само пространство. Из открывшегося бело-синего просвета высунулись бело-синий лук и стрела.

Их держал двухметровый лучник, сотканный из света. Его молниеносный выстрел разбился на множество стрел, которые полетели в сторону цели. Стрелы света петляли между деревьями, порождали ветер и неслись на огромной скорости.

В ответ Зигфрид развернул в обеих руках листки бумаги. На этих прямоугольниках, напоминающих страницы из блокнота, было написано одно и то же слово: Schild.

Зигфрид швырнул листки в воздух, и они зависли вокруг него. После чего стрелы вонзились в бумагу.

Наружу вырвались повторяющиеся пронзительные звуки, и Зигфрида окутал свет.

Но чародей остался невредимым. Он отмахнулся от света и продолжил бежать.

Тогда Брюнхильд помчалась за ним, пытаясь понять.

...Почему?

То был вопрос, который она задавала себе множество раз на протяжении шестидесяти лет. То был вопрос, который рос внутри нее все эти шестьдесят лет. То был вопрос на который она никогда не получит ответа, не спросив его напрямую.

...Почему?

Все началось здесь, и все здесь закончится. Но Брюнхильд не могла больше спрашивать словами.

Почему? Спрашивала она, взмахивая косой.

Почему? Спрашивала она, призывая дух воина.

Почему? Спрашивала она, атакуя.

Почему? Спрашивала она всё сильнее.

Почему? Почему всё обернулось именно так? Почему он это сделал? Почему всё обернулось именно так? Почему? Почему?

Ее мысли порождали действия, и когда ее вопросы ускорялись, ее атаки становились еще быстрее.

Брюнхильд бежала, прыгала, приближалась, отступала, и швыряла в него силу вопроса «почему?».

Она задумалась о том птенце, который не мог летать. Она вспоминала о той раненой птице.

Она задумалась о школе. Она вспоминала свою родину.

Она задумалась о тех, кто был важен для нее, о себе, о поглаживании ее головы, и о том, что она потеряла.

Она задумалась обо всем и спросила: «почему?»

Они покинули лес.

Даже когда они вышли на залитое лунным светом поле и мимо них пронесся ветер, они оба продолжали бежать.

Почему?

Брюнхильд опустила голову и взмахнула косой.

Девушка размышляла. Она размышляла обо всем, и о своем безответном вопросе. Почему?

Почему она не могла получить ответа? И она задумалась о людях, которые должны были ей дать ответ. Она задумалась обо всех, о птицах, о лесе, о ветре и о небе.

— Почему это все должно быть уничтожено?! — вскричала Брюнхильд, взмахнув своей косой.

Ее ноги несли ее по полю к следующему лесу.

●

Саяма задумался, почему он тут.

Он видел обширный каменный холл площадью в пятьдесят метров. Потолок находился где-то в двадцати метрах на полом. Это напомнило Саяме какой-то ангар, но он также гадал, где именно находился.

Парень вспомнил, как обнял Синдзё, и как их отбросило взрывной волной.

По задумке он намеревался сразу встать, поднять Синдзё и услышать от неё спасибо. Однако когда Саяма глянул вниз в надежде увидеть Синдзё в своих руках, он осознал, что бестелесен.

Существовал только его взор, а значит, это должно быть прошлым.

Парень оглянулся и понял, что стены холла дрожали и растрескались. Помещение сотрясали резкие толчки.

И посреди этой тряски происходила битва.

Она шла между белым механическим драконом, известным как Фафнир, и молодым мужчиной.

Сценой для этой битвы служил некий каменный алтарь в центре зала. По платформе белого цвета были разбросаны обломки белого камня. И под этим камнем распластался седовласый старик в черных одеждах. Рядом с его головой упало золотое украшение, и он больше не двигался.

Двигались только молодой мужчина и Фафнир.

Будто пытаясь взобраться на белый алтарь, дракон вскинул верхнюю часть тела.

Его когтистая передняя лапа рванулась вперед.

В ожидании когтей механического дракона на алтаре стоял молодой мужчина. Он был повернут спиной к Саяме, но носил черное одеяние и сжимал в руках меч длиной почти два метра.

Это Зигфрид.

Он пытался замахнуться мечом справа.

С его положения атаки Фафнира не избежать.

Приготовившись получить удар дракона, он пробрался к нему поближе и нацелился на его горло.

— !

Саяма думал, что увидел, как когти Фафнира вонзились в Зигфрида.

Но нет.

Зигфрид отступил на шаг, но не в попытке увернуться. Его кто-то оттолкнул.

Саяма не мог заметить этого ранее, но перед Зигфридом вышла женщина. Той женщиной, одетой в багровое одеяние, оказалась Гутрун.

Она схватилась за Зигфрида, а затем обессилено опала вниз. В ее теле зиял огромный след от когтя. Он напоминал порез громадного меча.

Гутрун упала поверх алтаря. Она перекатилась на бок и замерла.

Что это? — Подумал Саяма.

Словно в ответ на его мысль, раздался крик.

Его издал механический дракон.

Будто придя в себя, он неожиданно вознес голову к потолку и взревел.

То был могучий рев — «Грааа!». Его голос можно было принять за удивление или печаль, и он раскатился через все помещение. Холл задрожал. Мощь этого крика слилась с тряской и ослабила скрепы каменной кладки.

Полоток начал обваливаться.

И Зигфрид, стоя под ним, совершил новое движение.

Он взмахнул огромным мечом и пронзил гигантскому дракону горло.

С одного удара.

Звук меча, вонзающегося в чешую, прекратил тряску.

Все, что осталось — лишь движение.

Бронированные пластины и движущиеся части горла Фафнира разнесло на куски. Образовавшаяся щель открыла путь к ядру Фафнира. Это был реактор внутри его горла.

Меч вонзился в него наполовину.

Реактор перестал функционировать.

— ————

Стоя среди дрожащих стен, Зигфрид с последним усилием вытащил меч.

Едва клинок вышел наружу, тело Фафнира лишилось сил.

Металлические передние лапы подогнулись, челюсть упала, и все тело рухнуло на пол, разбивая алтарь.

С потолка продолжали падать камни.

Содрогание не прекращалось.

И тогда Зигфрид преклонил колени.

Он поместил меч рядом с собой, и потянулся к Гутрун, что распласталась у его ног.

Мужчина поднял ее и обнял.

Вслед за этим Фафнир заговорил с того места, где он рухнул на пол.

— Все кончено?

— Ты пришел в себя? — спросил Зигфрид, поместив руку на живот Гутрун.

— Да. Похоже, я доставил тебе немало хлопот, Зигфрид. Священный меч Грам послужил своей

цели?

Передние объективы Фафнира сверкнули красным при взгляде на Грам у ног Зигфрида, после чего повернулись к нему самому. Мужчина убрал окровавленную руку от Гутрун и повернул на нее взгляд.

Цвет, окрасивший его ладонь, заставил его скривиться.

Фафнир произнес:

— Король начал запечатывать мир, и он уже качнулся в сторону разрушения. Мне казалось, что это мой единственный шанс. Я попытался нейтрализовать вышедшее из-под контроля Концептуальное Ядро внутри реактора.

— Но Ядро вызвало реакцию отрицания. Неконтролируемая мощь оказалась слишком велика?

Фафнир кивнул.

Зигфрид вздохнул и глянул на Гутрун в своих руках.

— Она приняла удар вместо меня...

— Зигфрид, ты можешь взять принцессу с собой? Если ты возьмешь ее в свой Гир, тебе, возможно, удастся ее спасти.

Зигфрид собирался кивнуть.

Но затем что-то дотронулось до его щеки.

В форме чистого восприятия Саяма наблюдал. Находясь в объятьях Зигфрида, Гутрун потянулась к мужчине окровавленной рукой.

— Нет, — промолвила она. Дрожь, исходящая от пола, периодически вызывала горькую улыбку на ее лице. — Послушай, Зигфрид. Твой Гир сможет нас принять?

Он кивнул, и она улыбнулась.

— Тогда я должна сообщить об этом всем. Это моя обязанность. Ты отправляйся вперед. Возьми Грам и создай землю, в которой мы сможем жить.

— Но... — начал Зигфрид.

Фафнир встал.

Механический дракон слабо покачивался, но по-прежнему взирал на Зигфрида.

— Прошу, иди. Если ты не похитишь нашу силу, от этого мира ничего не останется. Из-за действий короля этот Гир сейчас запечатывает сам себя, бесконечно сжимаясь. Концепты пока нормализовались, но мир уже зашел слишком далеко по пути разрушения. Это уже не остановить. Нашему миру пришел конец.

Фафнир повернулся к вершине алтаря. Там, засыпанный камнями, лежал старик. Голова механического дракона поникла.

— Это наша работа. ...Теперь, ступай. Я присмотрю за королем до самого конца. Это меньшее, что я могу сделать как предатель.

Зигфрид кивнул и повернулся к Гутрун в своих объятьях.

Женщина с рыжими волосами закрыла глаза, улыбаясь.

Зигфрид соединил свои губы с ее.

Минуло несколько секунд.

После того, как его голова приподнялась, Гутрун открыла глаза и кивнула. Она встала и оперлась на алтарь.

— В глубине королевского дворца расположены врата. Жди с другой стороны. Установи выход в месте, важном для тебя, — Гутрун улыбнулась. — Жди там. Я уверена, все еще раз сумеют собраться вместе.

Зигфрид поднялся и кивнул.

Он осмотрелся и увидел, что в глазах белого механического дракона потух свет.

Зигфрид поклонился, распрощавшись с ним.

И, сжимая Грам в руке, он повернулся спиной к Гутрун.

— Скажи им, что это я уничтожил 1-й Гир. Скажи им, что король, мудрец и ты доблестно сражались за 1-й Гир, но были побеждены.

— Но это ложь... Этот мир разрушил мой отец. И всё ради того, чтобы никто больше не пострадал.

— Но если ты расскажешь им это, люди твоего Гира будут знать, что преданы своим же владыкой, — сказал Зифгрид. — Гутрун, ты исполнишь свою роль члена королевской семьи, а я исполню свою роль захватчика. Вы трое потерпели от меня поражение, а я сбежал вместе с Грамом. ...Я подготовлю резервацию 1-го Гира для тех, кто примет это поражение. А те, кто не смогут его принять, могут ненавидеть меня и преследовать.

— И ты думаешь, это позволит большинству в 1-м Гире эвакуироваться? — Горький смешок раздался из ее уст. — Иди, Зигфрид, глупый захватчик и лицемерный чужеземец... Я всегда тебя ненавидела.

— А я тебя, — ответил он, отступая прочь.

Его шаги сменились бегом, и черное одеяние растворилось у лестничной клетки.

Обширный холл продолжал содрогаться. Среди этого хаоса Гутрун вздохнула, отошла от алтаря и двинулась дальше.

Она положила руку на лицо короля. Его лицо исхудало, а глаза закрылись, будто во сне.

Прижав левую руку к животу, Гутрун спустилась с алтаря.

Шагая сквозь холл, она хваталась за громадное распластавшееся тело дракона.

И Саяма, наблюдавший за ней, услышал песню.

Он ее узнал. Это был гимн Silent Night.

Спина Гутрун двигалась прочь. Она шагала всё дальше и постепенно отдалялась.

Потолок медленно просел и окончательно рухнул.

Саяма очнулся от видений прошлого.

— ...

На миг он не понял, где находился.

То была небольшая, залитая лунным светом прогалина недалеко от леса. Деревья колыхались на ветру, и в воздухе стоял жар. Саяма сообразил, что со взрыва прошло совсем немного времени.

После того, как его отбросило взрывной волной, парень рухнул на бок в подлеске, кого-то обнимая.

Прямо перед собой он увидел знакомое лицо девушки, лежащей на его левой руке.

Синдзё.

Кончики ее бровей слегка опустились, и в ее черных глазах виднелось недоумение.

— Спасибо тебе, — произнесла она, благодаря за что-то. — Э-эй, ты это видел?

Она тоже увидела прошлое. Он кивнул, и Баку подскочил к ее плечу. Его следующий кивок ссылался на образы из прошлого, которые они увидели.

— Это была правда, — пробормотал Саяма, перед тем как оглянуться.

Там находилось нечто, увиденное им в прошлом. В землю вонзился почти двухметровый меч.

— Значит, эти воспоминания твои, священный меч Грам.

В ответ по поверхности меча пробежался слабый свет. Он походил на пульс. Меч выглядел живым.

И вслед за тем они слышали голос.

— Да, я Грам. Просто Грам. Я не свершил ничего достойного титула «священного меча», — он замолчал на один удар пульса. — В этот год мне исполнилось шестьдесят, считая летами Лоу-Гира, но я провел большую часть того времени в дремоте.

На фоне луны в ветреном лесу, на дереве рядом с обрывом расположились две фигуры.

Они обе были девушками.

Первой оказалась высокая девушка, с черными волосами, связанными сзади. Она лежала на толстой ветке, скрестив ноги. Она оделась в черный летний плащ поверх плотной черной рубашки и коричневых брюк.

На ветке ниже нее, сидела длинноволосая девушка, сложив ноги вместе. Она носила черную накидку на плечах, и ее слегка качающиеся ноги почти полностью скрывало длинное черное платье.

Девушка выше глядела в сторону леса. Она взирала на искры и взрывы, мелькающие в той глубокой тьме. А еще прислушивалась к звукам.

— Ну что ж. Как ты думаешь, какая сторона победит, Сино?

Девушка по имени Сино запрокинула голову и одарила горькой улыбкой другую девушку.

— Я не знаю... Тебе любопытно, сводная сестрица Микоку?

— Нет, не особо. Я уверена, наш отчим Хаджи уже в курсе, чем все кончится. Не существует ничего, чего бы торговец информацией Хаджи не знал.

— Конечно, но Путь Левиафана начался, да? — Сино услышала взрыв. — Ух ты! Всё стало так сверкать!

— Судя по всему, это конец Городской фракции. Продолжительность жизни Фафнира Возрожденного на исходе... Шестьдесят лет — долгий срок.

— Да, — согласилась Сино, болтая ногами.

Микоку закрыла глаза и ощутила вибрацию, исходящую от древесного ствола.

— Опять эта песня, Сино?

— Да. Там был еще один взрыв, правда? Когда я слышу кучу стрельбы, у меня такое чувство, что я теряю связь с миром.

— Чем чаще ты будешь приходить в подобные места, тем больше неподходящих тонов ты услышишь в своей голове.

— Да, — согласилась Сино, пробормотав кусочек гимна, играющего в ее сердце. — All's asleep,

one sole light, just the faithful and holy pair.

С все еще закрытыми глазами, Микоку кивнула. Она скрестила руки на груди и произнесла:

— Тихая ночь... Святое Дитя родилось в эту ночь, хм?

Саяма стоял под лунным светом, обнимая Синдзё. Он схватил эфес Грама правой рукой и вытащил его из земли.

— Ты легкий...

— Я почти полностью пустотел. Однако внутренняя конструкция обладает полостью, расширенной в семь тысяч раз с помощью письма. Большая часть ее заполнена уплотнением и запечатывающими словами.

— Вот как.

Саяма поднял Грам вверх правой рукой и попытался им взмахнуть.

Он рассек окружающий жар, издавая свист. Судя по всему, меч весил три килограмма, и этот вес равномерно распределялся по всей площади. Саяма назвал его легким, но осознал, что ошибся. Он был отлично сбалансирован. Казалось, что центр тяжести меча смещался вместе с его рукой. Он был так легок в использовании, что парень, без сомнения, мог размахивать им как угодно.

Саяма держал Грам правой рукой и повернулся к Синдзё, которую обнимал левой.

Синдзё глядела на него. Когда их глаза встретились, она резко опустила взор.

— Т-тебе удалось вернуть Грам.

— Почему ты отводишь глаза?

— Э? О, ну... Ты слышал, что я сказала Фафниру Возрожденному ранее?

— Нет, вообще ничего, — честно признался Саяма.

— О. Ну раз ты так говоришь, Саяма-кун, значит, наверняка слышал...

— Синдзё-кун, похоже, у тебя сложилось обо мне несколько ошибочное мнение.

Саяма наклонил голову и услышал голос из своей правой руки.

— Саяма и Синдзё?

Это Грам. Брови Саямы вздернулись, когда он услышал его низкий голос. Синдзё также повернула на него взгляд. Как и Баку.

Но до того, как они успели что-то сказать, Грам заговорил снова.

— Этот мир управляется Лоу-Гиром, верно?

Саяма кивнул. Похоже, Грам и вправду спал.

Это означало, что им необходимо общее понимание ситуации. Думая об этом, Саяма произнес:

— Да. В данный момент мы начали послевоенные переговоры с выжившими из прочих Гиров.

— Вот как, — вымолвил Грам. — Значит, во время моей девятнадцатилетней дрёмы мир решил попросить прощения.

— Девятнадцатилетней? Ты уверен, что не подразумевал шестьдесят лет? Мне казалось, как раз тогда тебя погрузили в сон...

— Я не могу дать на это ответа. Я пообещал тому, кто пробудил меня. — изрек Грам. — Вы сказали, что ваши имена Саяма и Синдзё, разве не так?.. Чего вы хотите отныне? Вы ищете прошлого, которого не знаете?

В ответ на этот вопрос Саяма ощутил легкое давление в левой части груди.

Если он продолжит следовать по Пути Левиафана, ему придется столкнуться с прошлым, которое породило эту боль.

Но Саяма сказал:

— Я желаю боли. И причину этой боли.

— Ты хочешь сказать, что не станешь отрицать кончину Гиров, вызванную твоими предками? Ты не станешь отрицать всё то, что началось со зла, свершенного моим кратким хозяином,

Зигфридом?

Я полагаю, что так, — подумал про себя Саяма.

Парень узнает прошлое своей семьи в форме боли, но это ему и следовало узнать. В конце концов...

...Вот где я смогу стать серьёзным.

Он не нуждался ни в чьем разрешении. Парень самостоятельно желал быть здесь. И поэтому он кивнул.

— Да. Я не стану отрицать или отвергать это. Вот чего я хочу.

— Вот как. Тогда послушай, юноша, несущий фамилию Саяма, — меч замолчал на секунду. — Юноша, ты есть скопление невежества, кто по-прежнему не знает ничего, и кому ничего не рассказали. Приготовься. Если ты желаешь обладать мною сейчас, ты усомнишься в себе в будущем. Ты узнаешь, что ты потомок великих преступников.

— Великих преступников?..

— Значение этого ты должен возжелать и добыть самостоятельного.

— Какие безответственные слова.

— Если ты возжелаешь этого в мучительной степени, это тебя спасет. Потому не перекладывай обязанность отвечать на меня. Такова моя вера, как жителя 1-го Гира, содержащего концепты письма: письмо обрело форму, желая оставить после себя то, что лежит внутри сердца... Это то же самое. Лишь возжелав всего сердцем и наделив это формой, ты сможешь что-то предпринять.

— Если я сегодня одержу победу, ты думаешь, я получу ответ на свою боль?

— Да, — сказал Грам. — Твоя боль, связанная с первым Гиром, исчезнет. Однако...

— Однако?

— Ты узришь лишь частицу всего. Это положит начало. Так готовься же. Едва ты станешь у входа, ты не сможешь повернуть до тех пор, пока не узришь всего до самого конца. Ты узришь создание истории, которая началась с нас, — он замолк, — и закончится на этой девушке. Ты узришь историю того, как всё подошло к концу. Ты узришь хроники конца света.

— Синдзё-кун?.. Почему?

— Она ключ, связующий все воедино... Ты узнаешь, почему, если будешь продолжать сражаться.

Рукой, обнимающей Синдзё, Саяма ощутил, как она сглотнула.

И Саяма понял, что он сглотнул в тот же самый миг.

— Так как же ты поступишь, юноша? Ты всё еще желаешь этого?! Ты все еще желаешь использовать меня, чтобы отсечь боль 1-го Гира?! Если поистине этого желаешь, я стану твоим священным мечом!

Тогда же Саяма заметил движение на поле боя.

Через лес посреди поля, ветер сдул прочь мерцание в воздухе.

И на том месте, где растворилось дрожание атмосферы, показалась гигантская фигура.

— Это...

Фафнир Возрожденный.

Оружие на его поверхности пропало, но первичные бронированные панели этого поднимающегося белого механического дракона оставались целыми. По всему его телу полностью распахнулись радиаторы. От каждой части его тела поднимался пар и мерцание воздуха.

Белый механический дракон готовился к бою. Защитные жалюзи над его красными глазами открылись, и он уставился прямо перед собой. Его взор, скорее всего, сосредоточился на Граме в правой руке Саямы.

Понятно, — подумал Саяма. — Вот первый противник моей боли, и первая цель, за которую я возьмусь всерьёз.

И поэтому Саяма заговорил. Он повернулся к девушке, которую обнимал левой рукой.

— Синдзё-кун.

Парень вздохнул. Он вспомнил слова своего деда, и сказал.

— Мне кажется, я попытаюсь стать злодеем.

Синдзё подняла голову, чувствуя на плечах руку Саямы.

Девушка увидела, как его острый взгляд слегка прищурился, когда он посмотрел на нее сверху вниз.

Она задала ему вопрос, дабы подтвердить то, что он хотел сказать.

— То есть... как Зигфрид-сан?

Она получила в ответ тишину. Он ничего не сказал, но всё еще на нее глядел.

Синдзё ощутила биение и слабый трепет своего сердца.

— Ты собираешься так поступить, несмотря ни на что?

Вот чего он желал. Она знала. То, что девушка сказала ранее Фафниру Возрожденному, определенно было правдой. Однако, когда он сказал ей напрямую, это вызвало у нее больше слов.

— Я не хочу, чтобы ты брал всю вину на себя.

— Но я неправ, и я желаю это делать.

— Но!..

Когда Синдзё повысила голос, Саяма слегка похлопал ее по талии.

Он будто говорил ей успокоиться, и она смутилась.

Синдзё глянула на Саяму. Их глаза встретились. Он отвел взор, будто сопротивляясь.

Это был первый раз на ее памяти, когда он так поступал, поэтому она немного озадачилась и наклонила голову.

И он заговорил.

— Так... ты пойдешь со мной, Синдзё-кун?

Синдзё не могла отреагировать на слова парня перед ее глазами.

Девушка понимала, что он хотел сказать. Она просто хотела услышать больше его слов, чтобы убедиться окончательно.

И поэтому Синдзё произнесла:

— О чем это ты?

Саяма нахмурился, и снова на нее глянул.

— Ты права, а я неправ. А значит... я хочу, чтобы ты была со мной.

— ...

Синдзё утратила дар речи. Саяма мягко отпустил ее тело.

Отодвинувшись немного, Саяма протянул левую руку, которую прикрывала черная броня.

Он ничего больше не сказал.

Настал ее черед отвечать. Девушка хотела дать откровенный ответ на его окольную манеру говорить. Она улыбнулась, и сжала его руку.

— Как и я, — ответила она просто. — Как и я!

И затем они оба повернулись к своему противнику. Повернулись к белому механическому дракону, принимающему защитную стойку посреди травянистой поляны.

Тем временем, Фафнир Возрожденный, стоя на все том же перепаханном поле, использовал все свои чувства.

Во всем его теле ощущалось что-то не так. Чувство можно охарактеризовать как предчувствие или предупреждение.

Когда он получил визуальную информацию от его механического зрения, то испытал рассинхронизацию между собой и Фафниром Возрожденным.

Это отклонение прогрессировало со временем и предвещало его кончину.

Это отклонение создавало в его сознании брешь.

После повреждений от того взрыва, его тело выстояло. Но в то же время его сознание пошатнулось.

Прошу, поспеши, — подумал Хаген.

Он перестал сознательно управлять машиной. Управление ориентацией и визуальная коррекция осуществлялись на основе его прошлых действий и записей, что хранились внутри Фафнира Возрожденного.

Прямо перед ним, в центре его поля зрения, на лесной прогалине стояли две фигуры.

Девушка и парень, одетые в белую униформу. Парень стоял рядом с девушкой и переместил Грам в левую руку.

Девушка подобрала свой посох, упавший неподалеку, и взяла его в правую руку.

Они были теми, кто желал всё завершить.

Девушка, которая пыталась придумать ответ, в итоге оказалась не одна.

...Я хочу победить.

Кивнул Хаген в своем сердце. Собственной волей он торопливо вмешался в движения Фафнира Возрожденного. Старик оптимизировал различные решения, принимаемые на основе воспоминаний и записей.

Он принял меры, чтобы, когда придет время, это громадное белое тело могло действовать с максимальной эффективностью.

Хаген полностью открыл системы охлаждения. Позволил смазке для движущихся частей свободно течь.

Он использовал полную мощность реактора движения и реактора вооружения.

И запустил всё свое оружие.

Он определил, что понадобится пять минут на приведение его в боевую готовность, но Хагена это не волновало.

И он позволил машине сделать шаг вперед.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274370>